

Париж. День третий, ч. 5

Конечно, далеко не все дворцы удалось осмотреть, многое пропустили, например, отель Сале – музей Пикассо, один из самых больших дворцов XVII в. с погребом, или отель Сен-Энъян (1650 г.), ныне - Музей искусства и истории иудаизма. Но по дороге к намеченному отелю Субиз неожиданно наткнулись на вот эту прелесть – отель Эруэ с игрушечной подвесной башенкой в стиле поздней готики:

Напротив него надолго застряли, слушая уличного музыканта, похожего на постаревшего д'Артаньяна, который пел, аккомпанируя на гитаре и ударной установке.

Вот, наконец, и огромный отель Субиз, «воздвигнутый в 1716 г. Деламером (ум. в 1744 г.), «с его глубоким, охваченным коринфскими двойными колоннадами передним двором и мощным коринфским средним выступом, увенчанным фронтоном». «Уже один парадный двор поражает своим размахом. Его аркады из сдвоенных колонн ведут в громадный дом».

Огромен он, правда, только по парижским меркам, а если сравнить его с дворцами, например, Шереметевых или Строгановых в Петербурге, то – весьма невелик. Разумеется,

тонкий парижский вкус и тут проявляется в отделке стен, вот только колоннада и портик добавляют ему официальность и торжественность, но лишают уюта и интимности.

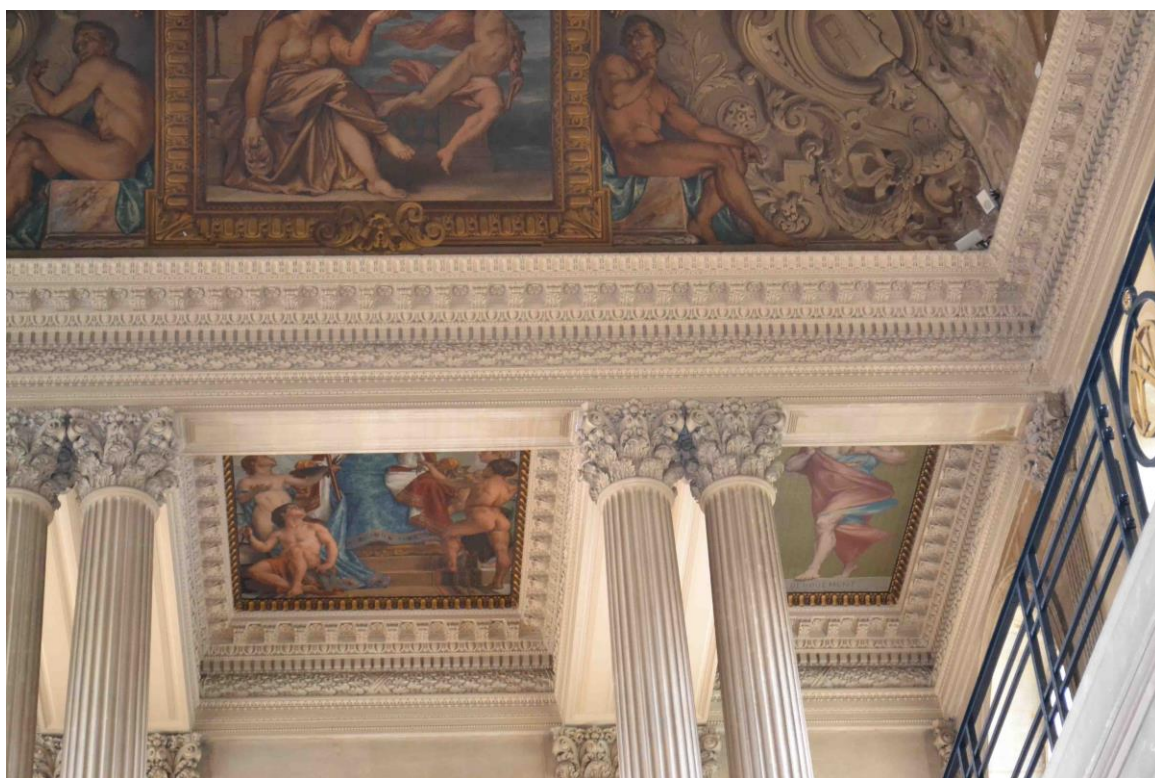

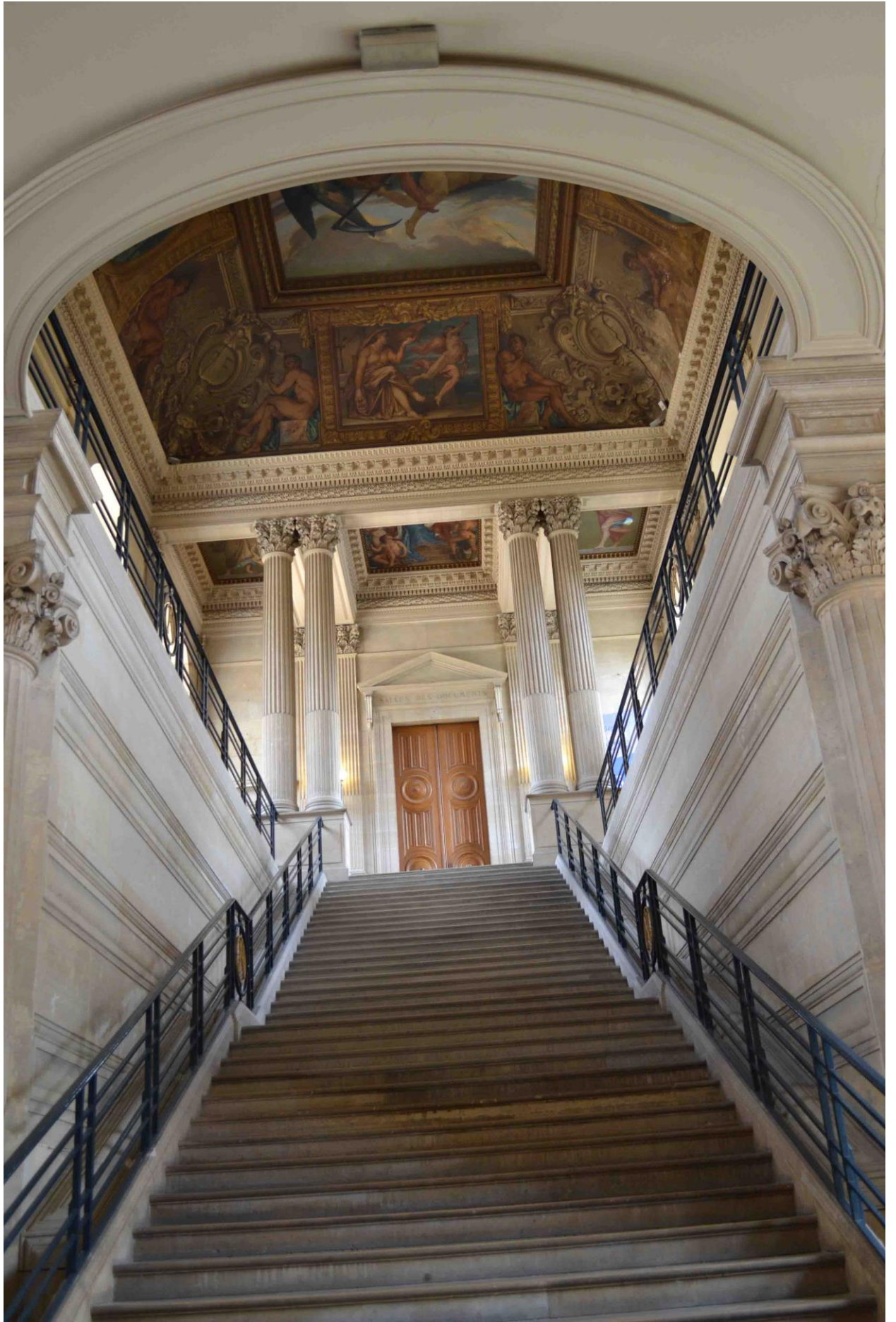
Масштаб постройки объясняется просто: ее заказчик - внебрачный сын «Короля-Солнца». Только заручившись поддержкой отца, он в 1705-1708 гг. смог построить это

грандиозное здание, с претензией на Большой стиль, внешний вид которого «не дает снаружи повода ожидать, что его комнаты украшены игривой пышностью боффрановского рококо».

Стиль рококо – барокко в камерном варианте – распространился во Франции - главным образом в интерьерах – еще в XVII в. как реакция на строгий классицизм внешних форм; в XVIII в. получил дальнейшее развитие в заново отделанных залах дворцов в Версале, Фонтенбло, Большом Трианоне и в отеле Субиз. Главный мастер этого направления – «Жермен Боффран (1667 – 1754), известный как архитектор и писатель по архитектуре. Ему принадлежит утонченное в современном духе украшение (1735 – 1740) части комнат Отеля Субиз, без прямых линий, совершенно замененных легкими извивами в форме S, где орнамент раковин гармонически переплетается с растительным, а веселая фантазия всюду еще связана тонким чувством стиля». Во всех этих дворцах работали также величайшие имена эпохи - Робер де Лоррен и Франсуа Буше (1703 – 1777), «живописец граций».

Но не буду описывать то, чего мы не видели, т.к. интерьеры недоступны для осмотра: в здании расположено не что-нибудь, а Государственный архив. Небольшой музей, правда, и при нем есть, но нам было некогда его осматривать. Тем не менее, я, конечно, сунулась в незапертую дверь и с разрешения охраны сделала несколько снимков парадной лестницы, вполне классицистического стиля, с расписным плафоном:

А в Питере, когда зашла с той же целью во дворец Белосельских-Белозерских, лишенный каких-либо секретов – там нынче концертный зал, то получила категорический запрет на фотографирование лестницы и вообще – «идите отсюда». Что тоже понятно – пожилые охранники, видимо, работают с тех пор, когда здесь располагался Ленинградский горком КПСС.

А мы бредем дальше старинными пустынными улицами к дому Николя Фламель, и перед нами мелькают вперемешку большие дома, готика и ренессанс:

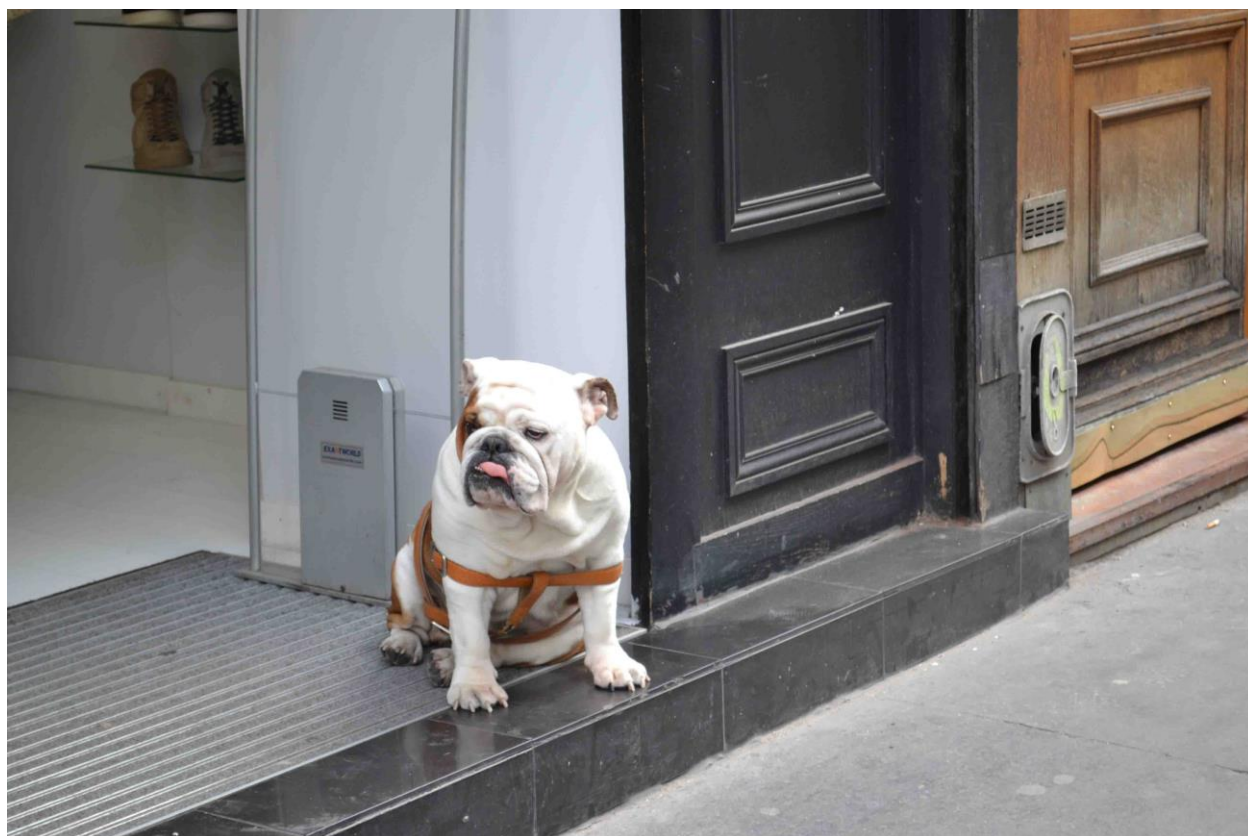

Еще одна неотъемлемая черта парижской жизни – французский бульдог, поджидающий хозяйку у магазина:

А дом на углу улиц Сен-Мартен и Монморанси – самый старый жилой дом Парижа, построенный алхимиком Николя Фламелем в 1504 г. (эту дату привожу по путеводителю, а судя по вывеске, ему на сто лет больше) как-то разочаровал: не чувствуется в нем глубокой старины:

Вот разве что в полустершихся рельефах в простенках чувствуется что-то древнее и таинственное:

Отсюда мы вышли прямо к величайшей современной достопримечательности Парижа – центру Помпиду. Тут уж я молчу и передаю слово Юре.

Проход по парижским кварталам, неизбежно вызвавший наше с Танькой хоровое пение баллады о Саше Дулове, был небезынтересен, но каких-то эстетических потрясений не вызвал (ну ничего себе – после всего, что я описала!!! – Т.), за исключением центра Помпиду. Знакомство с тем, что у Таньки вызвало судороги отвращения, началось с того, что на площади рядом с ним я уткнулся на плакате маленького митинга в лицо GL (Александра Марголина), моего старого с знакомого по Пескам¹, приславшего совсем недавно благодарные слова за текст о последнем матче армейцев в 2012 году, а вскоре после того оказавшегося в путинской тюрьме по надуманному обвинению в беспорядках 6 мая 2012 года.

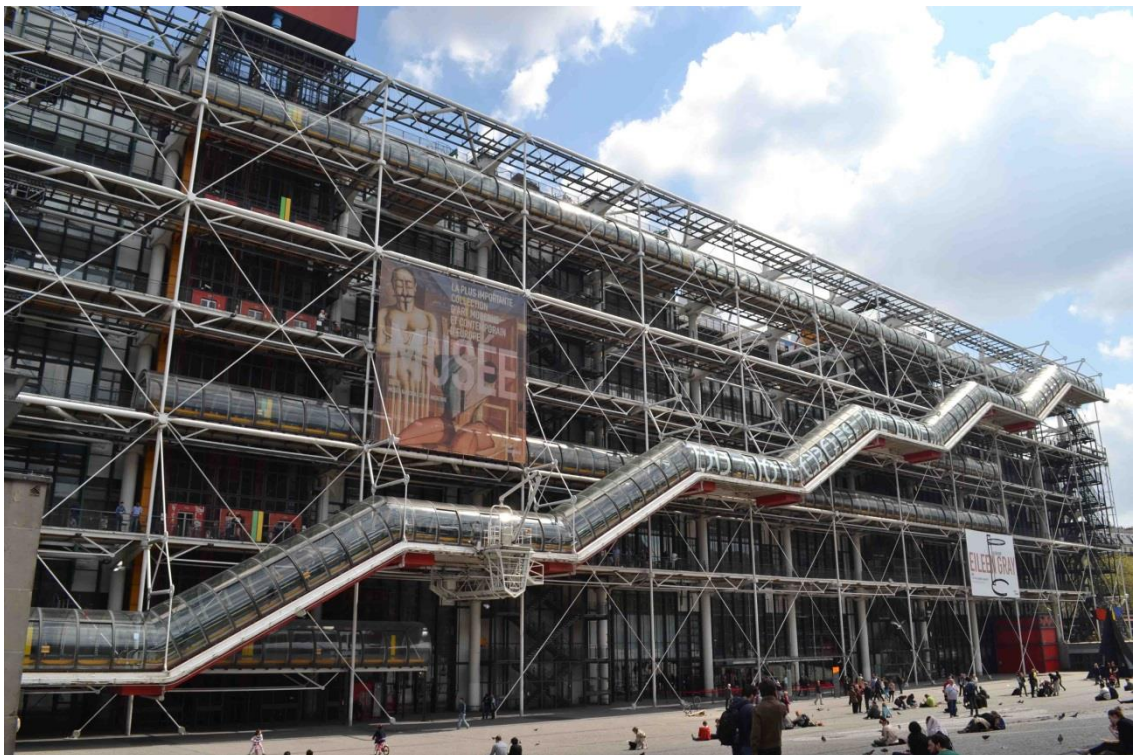

Постоянно сбивающийся русский оратор и неизвестно для кого переводящая на французский девица – в группе стояли только русские туристы, как-то это выглядело жалко. Я вспомнил о Саше, который меня читал, подивился странному зигзагу судьбы, который привел меня сюда, именно когда о нем речь, и только погрузил о бесполезности этой демонстрации здесь в Париже. Здоровья и сил, Саша! И надежды, что этот кошмар когда-нибудь развеется.

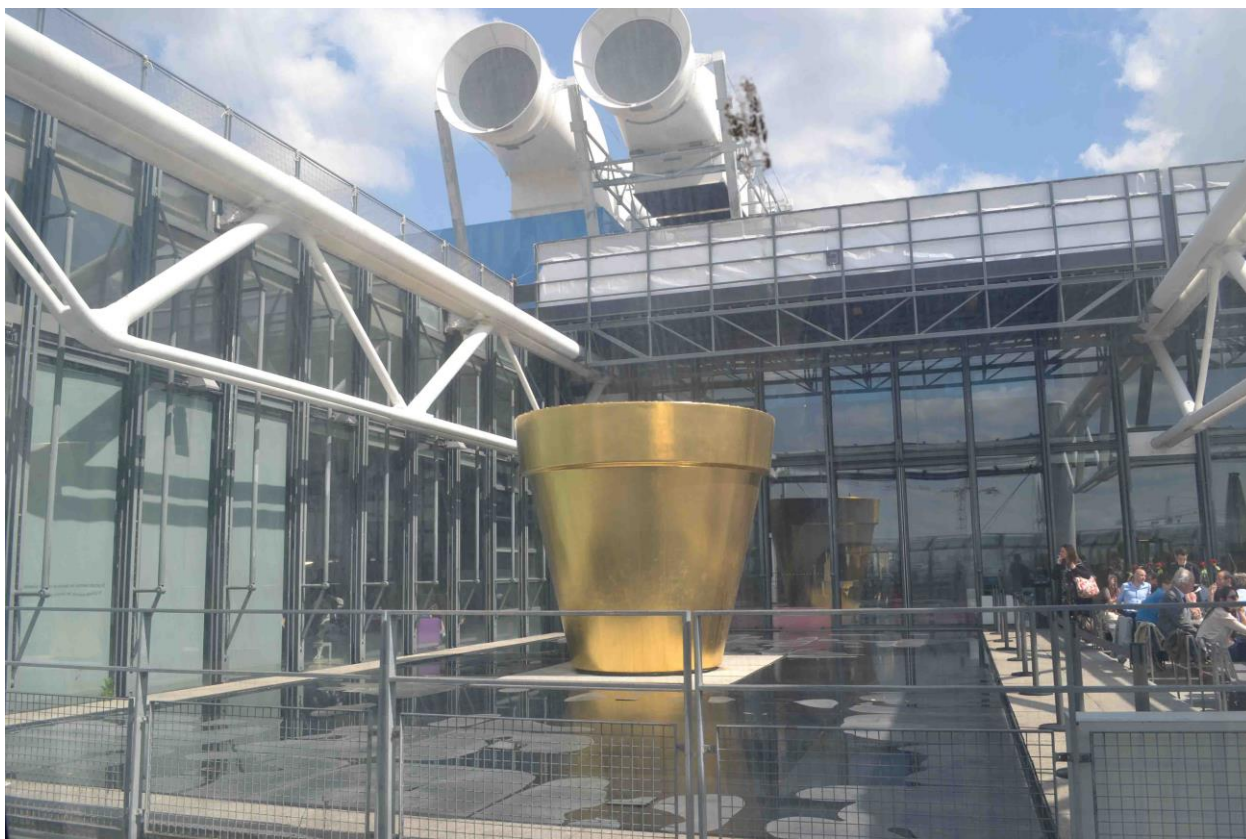
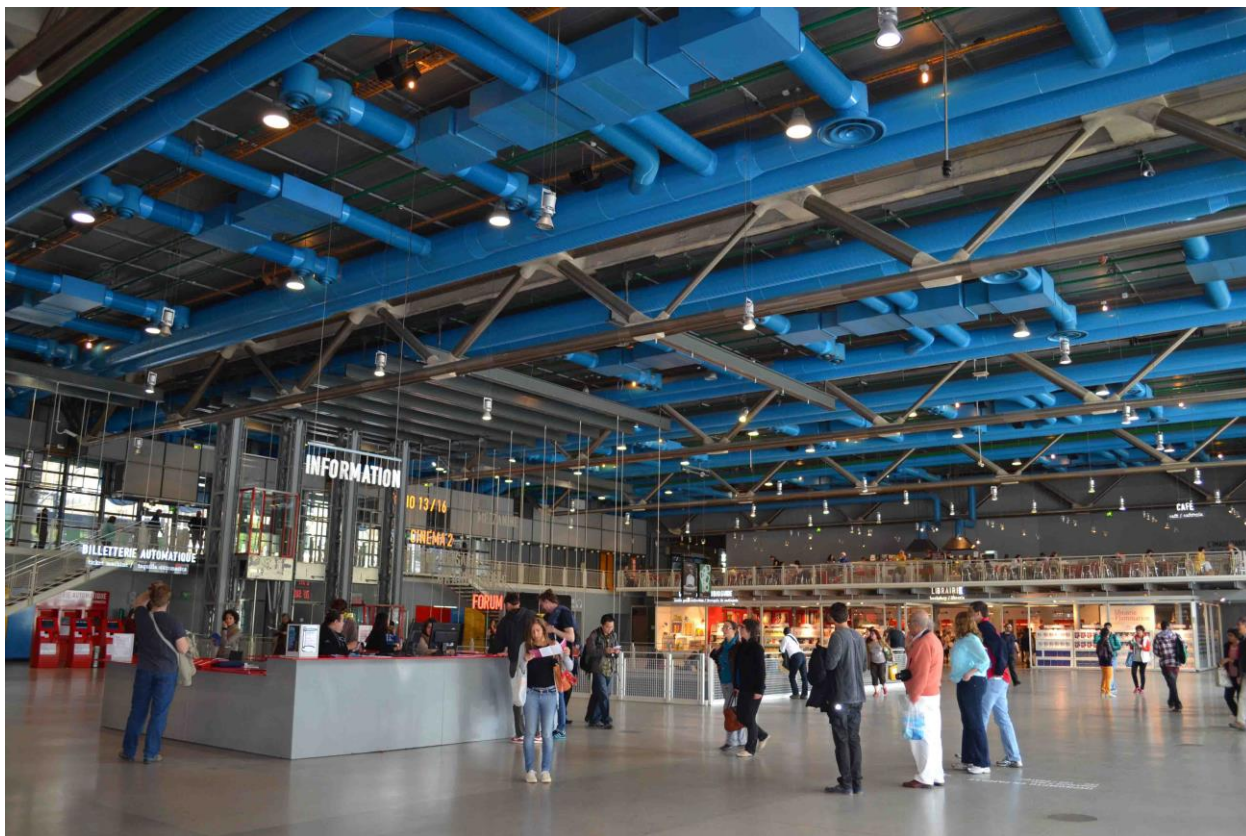
¹ Интернет-ресурс болельщиков ЦСКА www.peski.ru

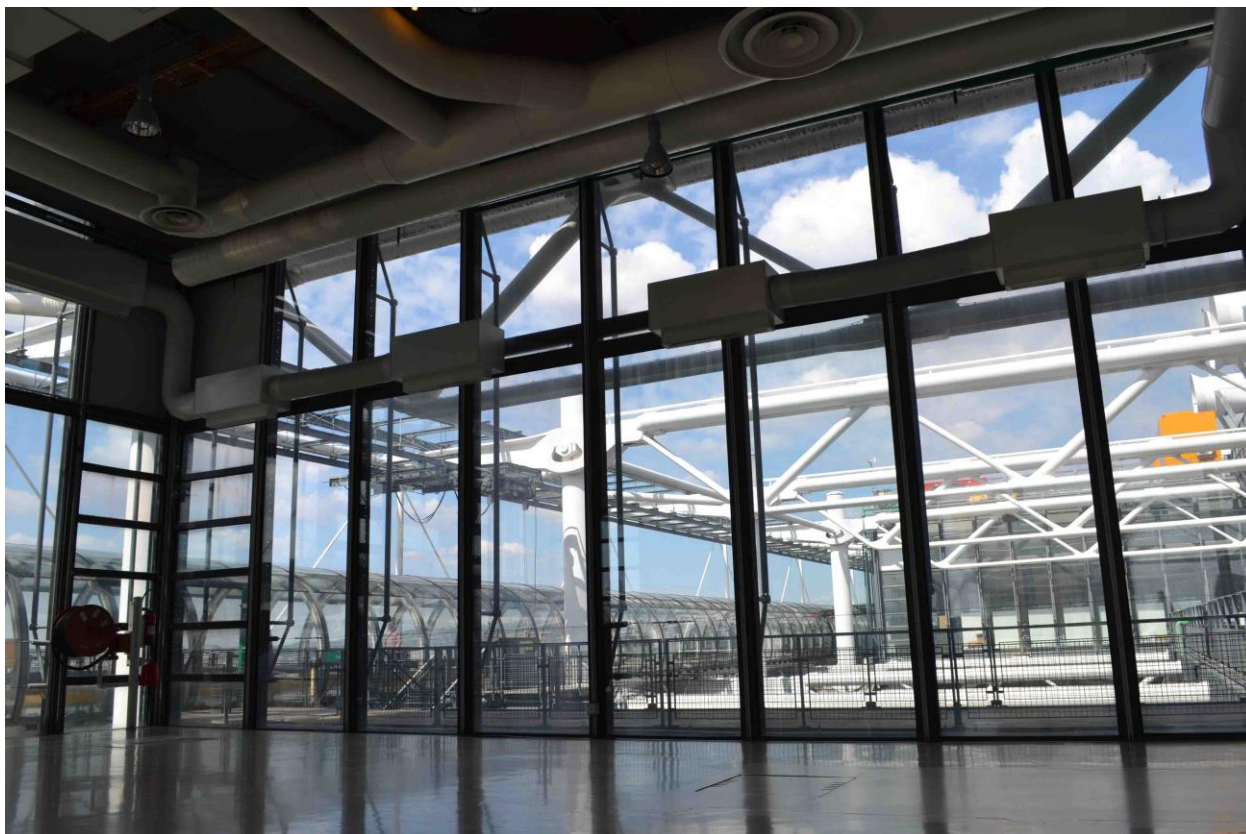

Центр Помпиду, конечно, могучий плевок в лицо местному общественному вкусу, но какой-то половинчатый – если уж понастроили этих гигантских вентиляторов и трубопроводов, то надо, чтобы из них что-то лилось, дымило и воняло, а то это какая-то декорация...

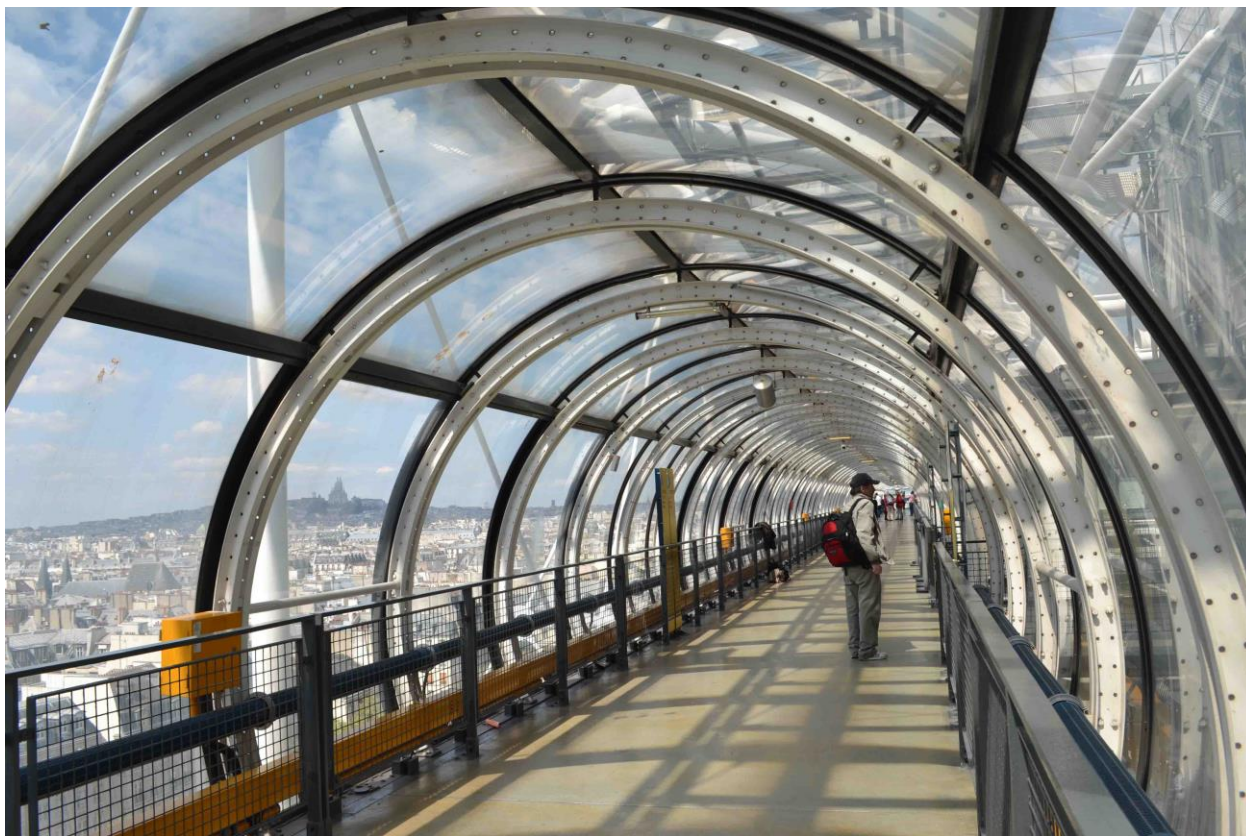

Чтобы меня не обвинили в узости вкусов, покажу также интерьер:

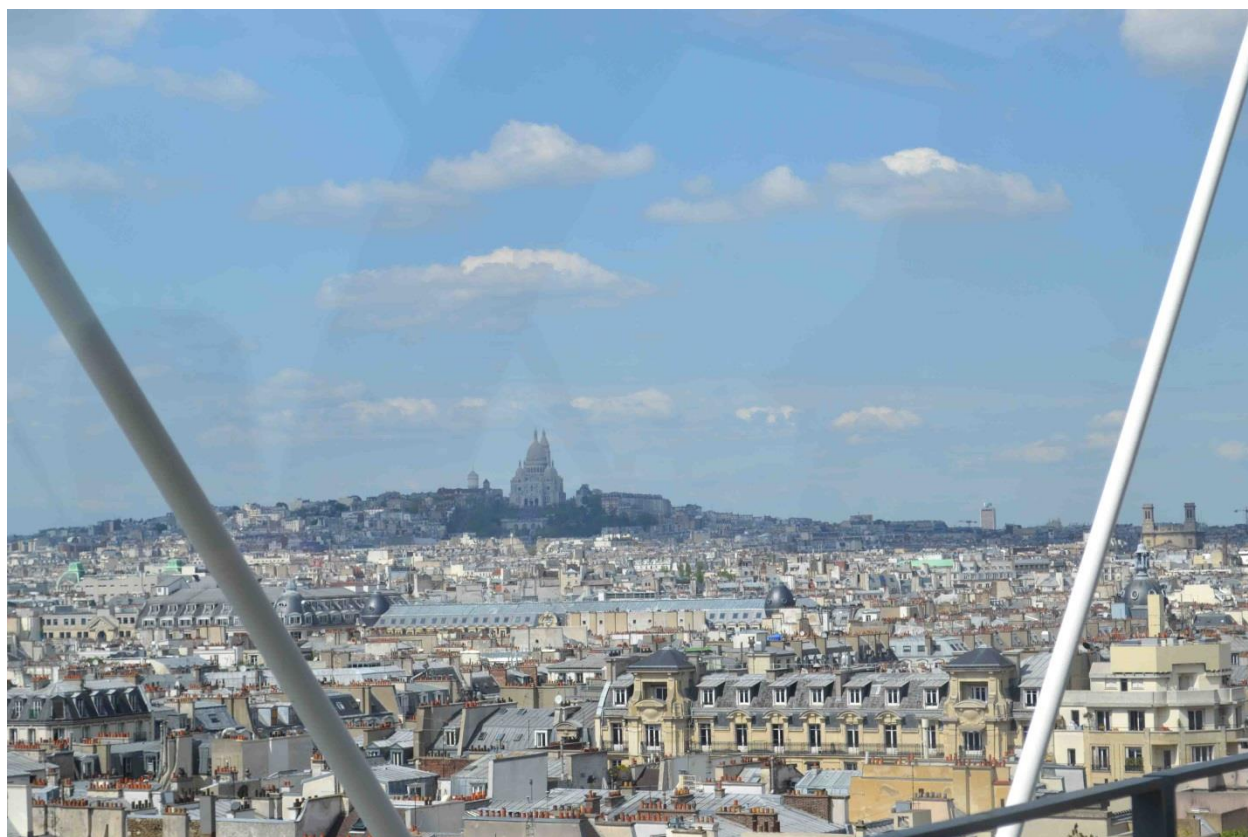

Все это я оставляю без комментариев. Но все-таки что-то полезное в этом было: бесплатный подъем по эскалаторам на самый верх, вдоль которого идет вот эта стеклянная галерея, позволяющая рассмотреть сверху разные части города:

Вообще прелесть видов на город с высоты часто бывает, мягко говоря, преувеличенной. Тут все зависит от того, с какой, собственно, высоты смотришь. Отсюда, например, мало что можно разглядеть: сплошная серая масса крыш и очень мелкие узнаваемые детали вроде Нотр-Дам и Эйфелевой башни. С нее, впрочем, вид, как я подозреваю, еще более невнятный в силу еще большей высоты. Другое дело – виды с колоколен или, например, с купола собора во Флоренции – с них город виден в «человеческом» масштабе, как раз в таком, который позволяет рассмотреть все крыши и террасы в подробностях. Но кое-что, увиденное нами отсюда, стоит показать. Вот, например, холм Монмартр, на который мы так и не выбрались, с церковью Секре-Кер при максимальном приближении объектива:

А вот церковь Сен-Эташ – конечный пункт нашего маршрута. Она стоит в таком месте, которое не позволяет рассмотреть ее издали, а отсюда она видна почти целиком. Окружающие подъемные краны, не имеющие к ней отношения, создают впечатление, как будто она строится на наших глазах:

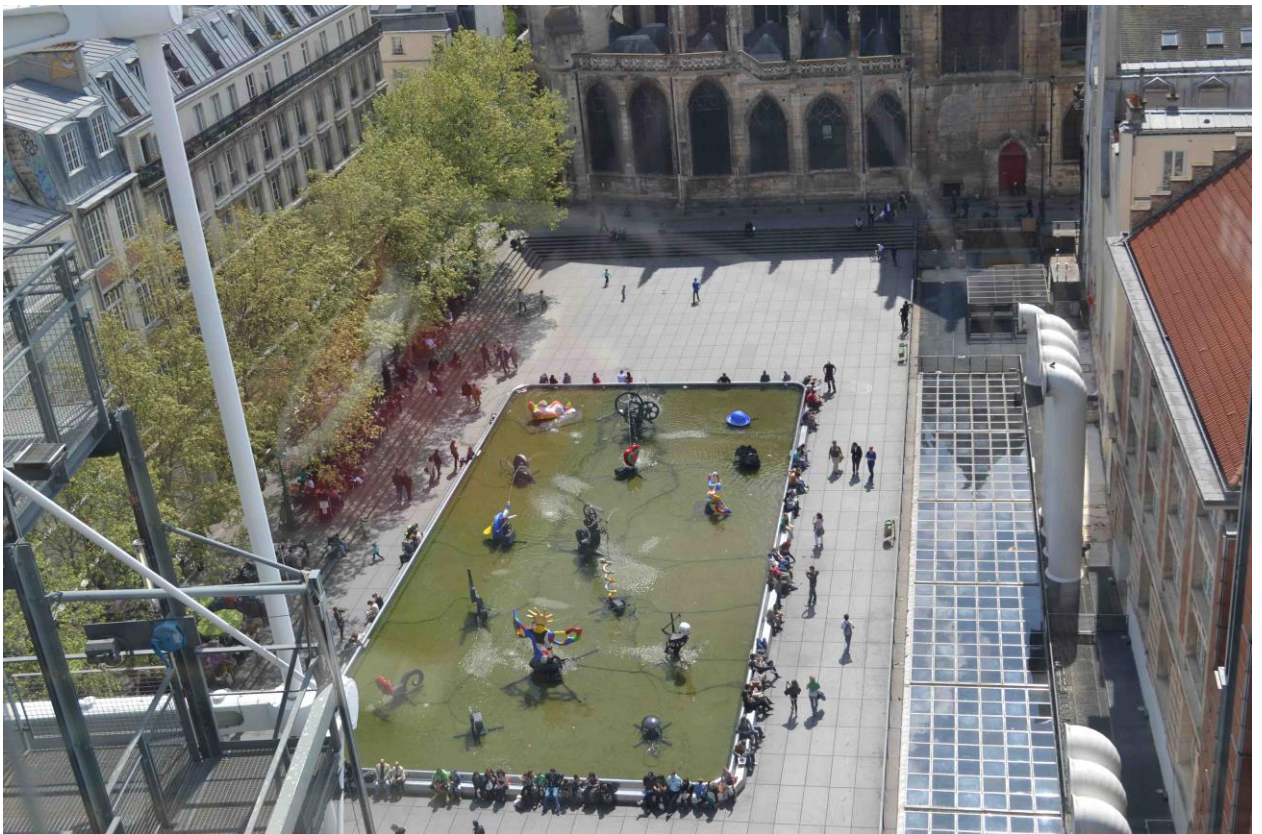

Забавно выглядит площадь перед Центром и цепь окружающих старинных домов, которые, в силу законов перспективы, кажутся отсюда скошенными, как на рисунках Хундертвассера, а также бесконечные мансарды и брандмауэры:

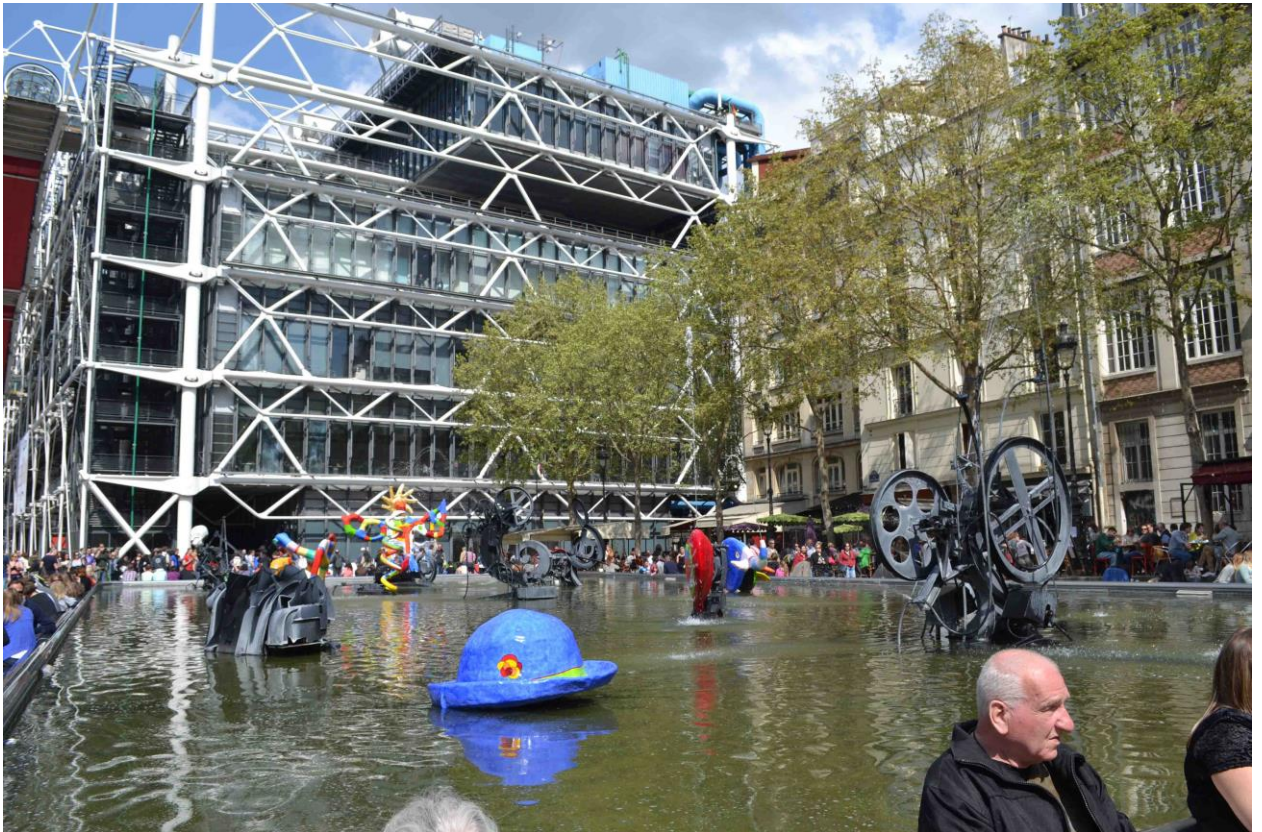

А за маленькой площадью с фонтаном Стравинского виден бок прелестной старинной церкви Сен-Мери с фасадом северного крыла трансепта. Почему-то его портал расположен ассиметрично, такого я еще не видела:

Фонтан Стравинского, украшенный модернистскими кинетическими конструкциями и скульптурами, детищами Жана Тингели и Ники де Сен-Фаль, вполне в духе Центра, вблизи выглядит вот так:

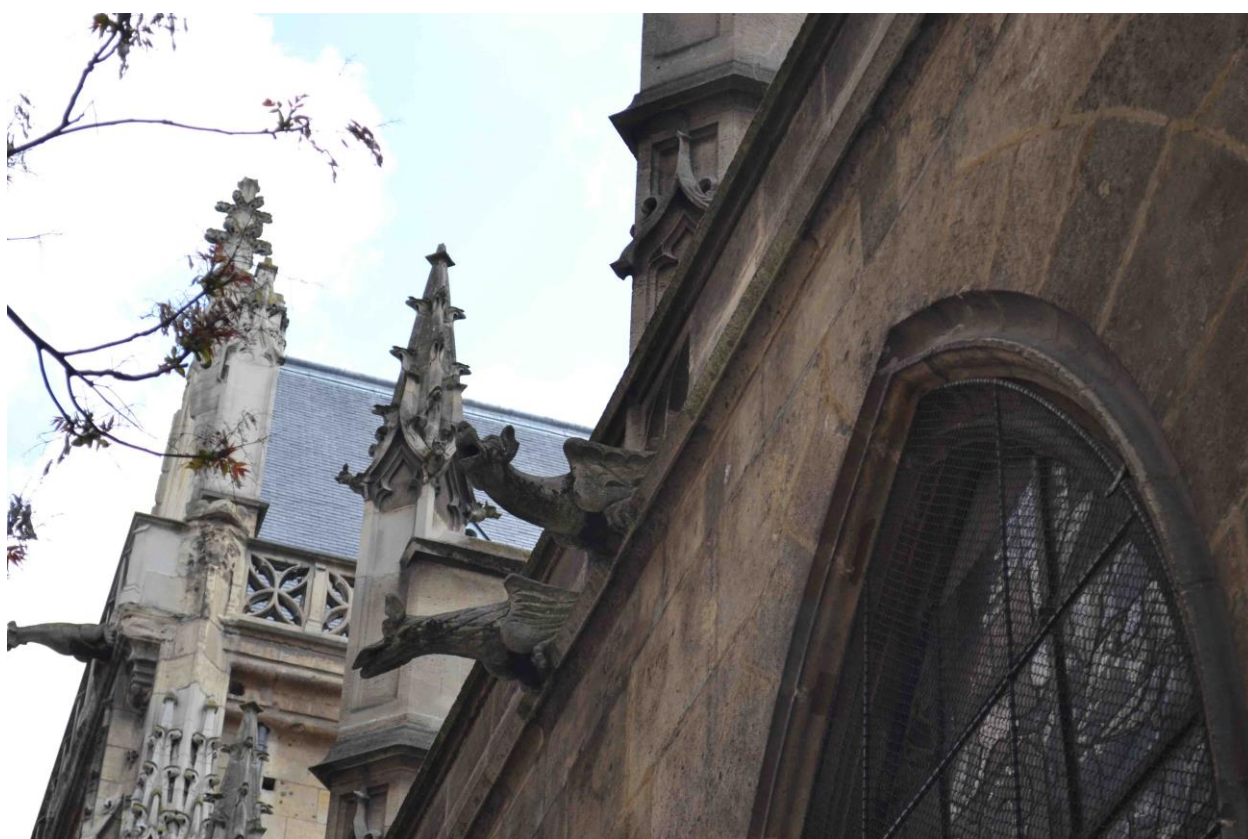

Ну что ж, бывает. Интересно, причем тут Стравинский?

Подходим к церкви Сен-Мери, - и дух захватывает от красоты чистой пламенеющей готики!

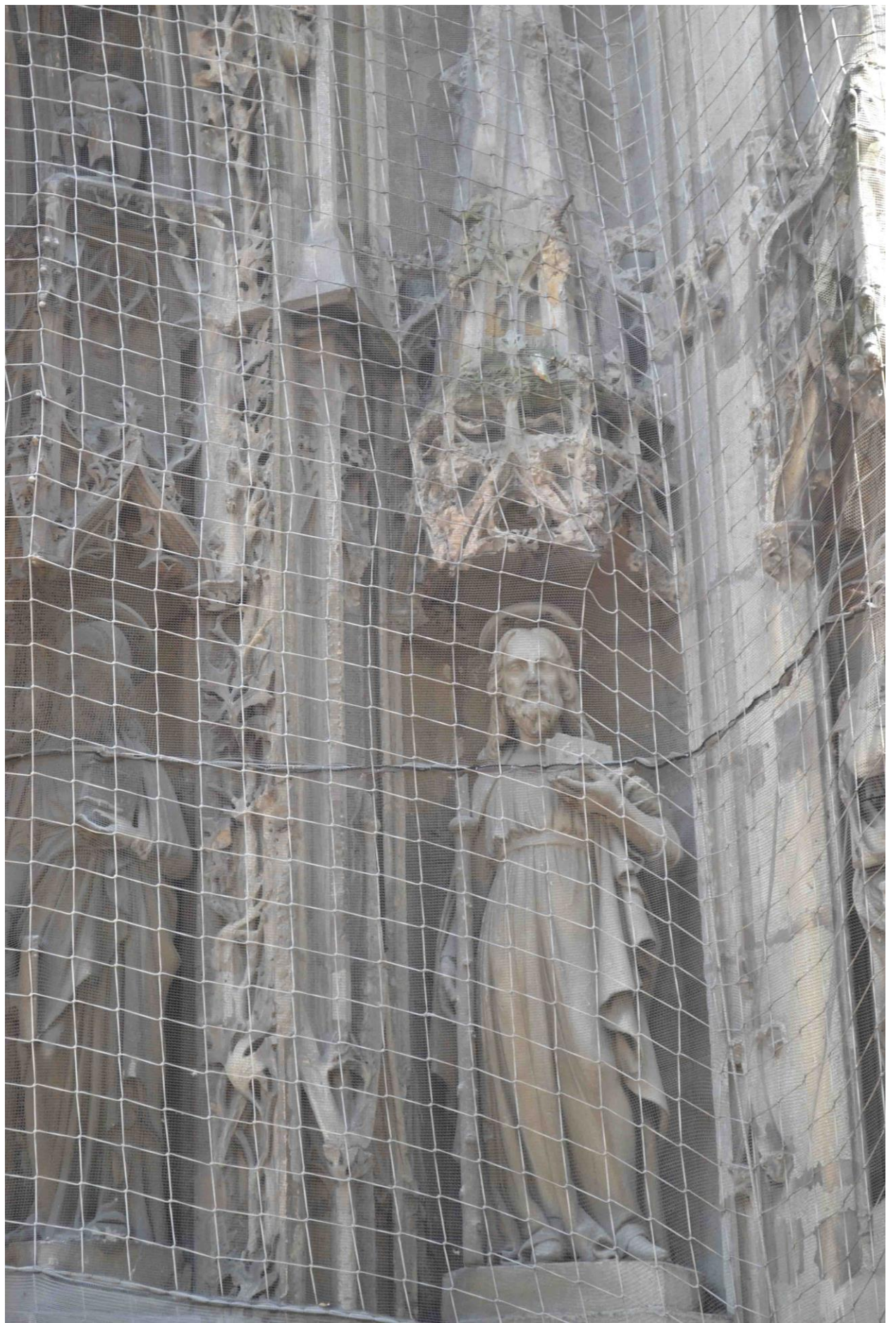

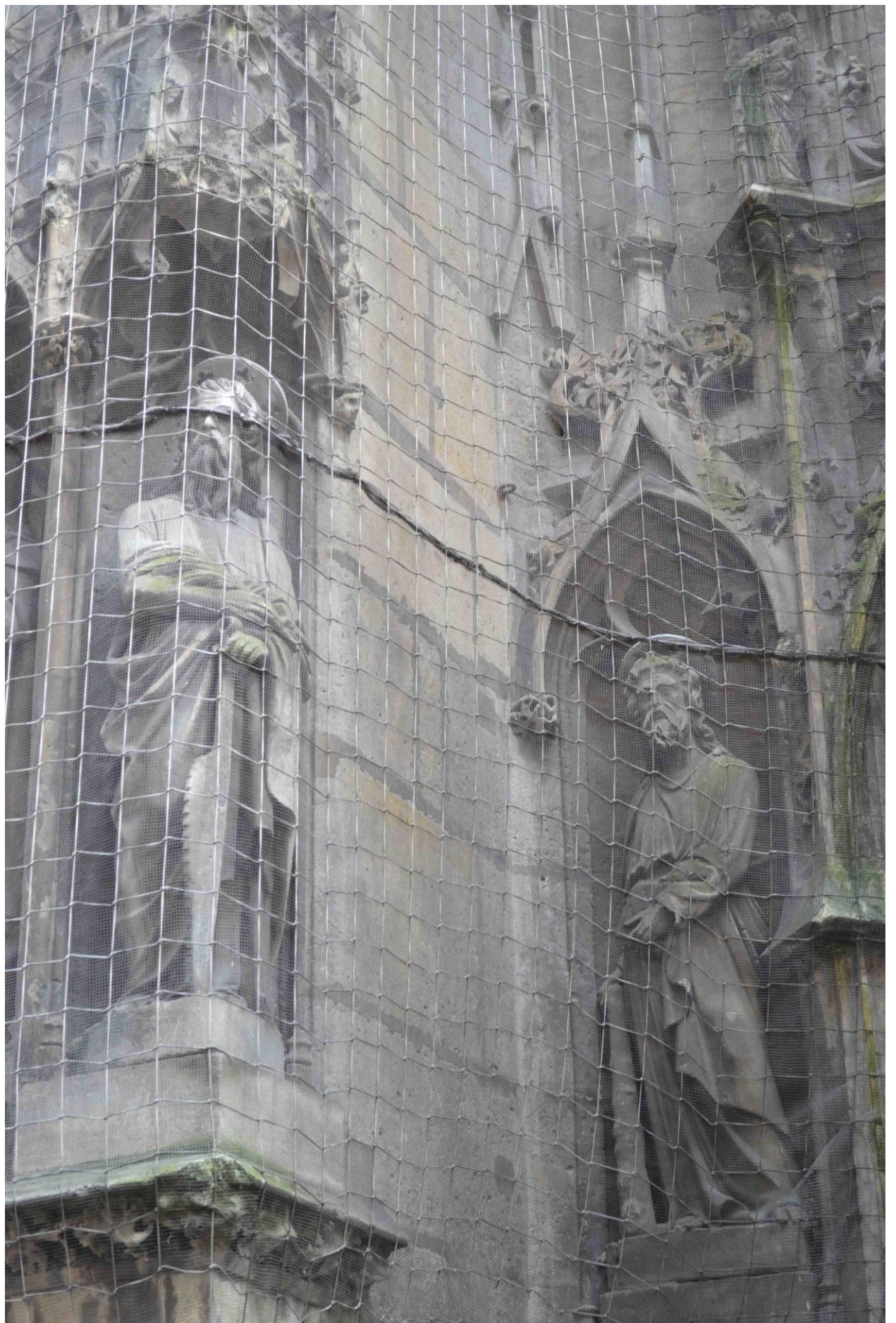

Эта обычная приходская церковь дышит на ладан. Ее, кажется, никогда не реставрировали и даже не чистили, так что она вся в пыли и копоти, а фасад вообще затянут сеткой, чтобы камни не осыпались на прохожих. Разумеется, она закрыта, вероятно, навсегда, потому что никаких следов реставрационных или восстановительных

работ мы не заметили. Но даже и в таком виде ее скульптурные фигуры поражают одухотворенностью и достоинством:

Все-таки Центр Помпиду не на пустом месте родился: если готика, которой пронизан Париж, выставляет на обозрение опорные конструкции, почему бы не вывести на поверхность вспомогательное оборудование? Преемственность в принципе – налицо, вот только результат – с моей (и только с моей!) точки зрения – прямо противоположный. Готика – это не только красиво, это еще и одухотворено, наполнено смыслом. Устремленности вверх линий постройки отвечает устремленность к богу душ изображенных людей... А про центр Помпиду... ну что скажешь? Сами видите!